

ДАВНО УЖ ЛИСТЬЯ ПОЖЕЛТЕЛИ...

Давно уж листья пожелтели,
ещё чуть-чуть — и облетят...

А следом зимние метели
нас снегом белым ослепят...

Когда зимой завоюет вьюга,
ты не грусти, что я вдали,
а просто верь, что мы друг друга
с тобой навеки обрели!..

От чьей-то зависти и злобы
в душе бывают глыбы льда,
пусть — как весенние сугробы —
они растают без следа!..

И пусть сейчас я не с тобою —
в том утешение найди,
что всё же Вечность, в жизнь длиною,
нас ожидает впереди!..

И СНОВА ОСЕНЬ ЗА ОКНОМ...

И снова осень за окном,
сижу, любимая, простужен
и с грустью думаю о том,
что я тебе совсем не нужен...

И наш роман, увь, недлинный,
растаял, словно в вышине
клин отлетевший журавлиный,
и лишь тоску оставил мне...

Душа моя стремится к югу,
где ныне та, кого люблю,
ведь пережить разлуки вьюгу
трудней, чем зиму журавлю...

Когда весной вернутся птицы,
быть может, осознаешь ты:
романа нашего страницы
навек останутся пусты...

Написан только лишь пролог
(романа, милая, начало),
я Вас любил, но, видит Бог,
Любви моей лишь было мало...

НЕ БЫТЬ НАМ ВМЕСТЕ, АНГЕЛ МОЙ...

Весьма прискорбно, Ангел мой,
не суждено нам быть с тобой...
Из стен тюремных свой привет
прощальный шлю тебе, мой Свет...
А ты, прочтя моё посланье,
прими его как обещанье,
коль, может, встретимся с тобой —
не в этой Жизни, а в иной, —
достойным будет наш роман...
А ныне боль душевных ран,
тоска разлуки и обман
да возраст мой, почти преклонный, —
весь мой удел... Слуга покорный
я твой, до гроба, если б мог,
то счастлив был бы, видит Бог,
след целовать от Ваших ног...

Прошу, поверь: не флирта ради
пишу сейчас в листы тетради
свои убогие стихи...

Господь за все мои грехи
мне ниспослал с тобою встречу...
Знать, ныне я за всё отвечу,
и искупление одно —
нам вместе быть не суждено...
А без тебя мир слишком мал,
иль, может, просто я устал...
Хотел сказать тебе о многом —
поймёшь ли ты?! Я, как пред Богом,
признаюсь: всё, что в жизни есть, —
любовь к тебе, душа и честь...
Любовь останется со мною...
А честь моя тому виною,
что, не предвидя перемен,
пишу тебе из этих стен,
надежд не чая на взаимность,
решив, что все мечты — наивность,
не быть нам вместе, Ангел мой...
И лишь душа моя с тобой!..
Ты не увидишь её взглядом,
меж тем она с тобою рядом...
Найдёшь ты счастье неизбежно!..
Тебя целую нежно-нежно...
Жаль, не могу тебя обнять,
к груди прижать и приласкать...
Жаль, не вернуть мне время вспять...
Прости, коль день твой омрачил
своими грустными стихами...
Целуя мысленно устами,
надеюсь я, что хватит сил
тебе душевных разобраться,
как дальше жить и с кем встречаться...
Мне ж, Ангел мой, позволь остаться
наедине с самим собой...

И не печалься... Бог с тобой,
ничто не вечно под луной...
За сим задерживать не смею...
Пусть Бог хранит Вас, честь имею...

ТЫ ВДРУГ ПОЙМЁШЬ...

От лжи, предательства, обмана
кровоточит на сердце рана...
Я притворяться не умею —
скорблю, малыш, и сожалею,
что ничего нельзя вернуть...
Пусть не сейчас, когда-нибудь,
о том, что были мы вдвоём,
лишь дождь напомнит за окном...
И, сидя у окна, в тепле,
увидев капли на стекле,
ты вдруг поймёшь, что это значит —
душа, страдая, чья-то плачет...

ЛЮБОВЬ В ДУШЕ НЕ УМИРАЕТ...

Снег по весне, малыш, растает,
придёт весеннее тепло —
любовь в душе не умирает,
хоть ей бывает тяжело...
В груди покуда сердце бьётся,
хочу, чтоб твёрдо знала ты:
что Ангел мой ко мне вернётся,
лелею, милая, мечты...

ТЫ СМОЖЕШЬ ЕЖЕЛИ, ПРОСТИ...

Ты сможешь ежели, прости,
что сбился я пока с пути —
открыл не ту случайно дверь,
за ней разлуки и потерь,
тоски и горести дорога...
Там, кроме Дьявола и Бога,
ни прошлых ни счастливых дней,

ни настоящих нет друзей,
готовых быть со мною рядом...
И жизнь, родная, станет адом,
коль не простишь и не поймёшь
и, позабыв про всё, уйдёшь...

ЛИШЬ О ТЕБЕ МОИ МЕЧТЫ...

Лишь о тебе мои мечты,
и Вас судить не вправе строго,
коль даже если ныне ты
в объятьях, милая, другого...

Когда-нибудь пройдёт и это,
черствее стану лишь душой...
Лишь осень жизни сменит лето,
чтоб чуть позднее стать зимой...

С оттенком грусти и печали,
мадемуазель, признаюсь Вам,
виски давно седыми стали... —
когда и как, не понял сам...

ЛИШЬ ОДНОГО, ПРИЗНАТЬСЯ, ЖАЛЬ...

Назад, родная, оглянусь,
ушедших дней в тумане даль...
Вздохнув устало, улыбнусь:
лишь одного, признаться, жаль,
что в бездне лет прошедших дней
без смысла жизни прозябал,
любви и нежности твоей
доселе, милая, не знал...

ТЫ СЛОВНО ВОПЛОЩЕНЬЕ ЧУДА...

Ты, словно воплощенье чуда,
из мира грёз, мечты иль снов
явилась вдруг из ниоткуда,

одним присутствием, без слов,
как фея доброй детской сказки,
сняла с души оковы зла —
в объятья нежности и ласки
меня навеки увлекла...

ВРЕМЯ...

Виски напомнили седые —
не бесконечны дни земные...
Как будто бы вода в пустыне,
по мне неведомой причине
уходит время, как в песок,
неотвратимо близя срок,
когда, взглянув назад устало,
осознаёшь, сколь в жизни мало
я всё же сделал и успел.
Хотел и мог, но не сумел...
И что едва ль того я стою,
чтоб быть, любимая, с тобою.

Я НЕ ХОЧУ ТЕБЯ ТЕРЯТЬ...

Я не хочу тебя терять...
И страшно мне, что время вспять
не возвратит до наших ссор,
что я веду себя как вор,
у нас крадущий счастья время...
Настанет день — обиды бремя
тебя, родная, захлестнёт —
мой Ангел от меня уйдёт?..
Уйду и я, но по-другому —
в путь по душевному излому,
вдаль, не отбрасывая тень...
Уйду, надеюсь, в тот же день...

ДРУЗЬЯ ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ...

Друзья давно минувших дней
ушедшей юности моей
приходят иногда ко мне,
но, к сожаленью, лишь во сне...
Они остались молодыми,
их лица, ставшие родными,
теперь кладбищенский гранит
и память бережно хранит...
Ещё на полке где-то в доме
есть фотографии в альбоме —
ребята, павшие в бою,
они по-прежнему в строю...
Я вспомню всех по именам,
и в памяти всплывёт Баграм...
Заночует сердце, словно рана,
уходит в небо борт «Тюльпана» —
с ним улетает на Союз
в который раз двухсотый груз...
И мысль застыла комом в глотке
у всех, оставшихся на взлётке,
что завтра снова будет бой,
и борт уже, быть может, твой,
в последний раз взлетев в Баграме,
доставит цинк к отцу и маме...
Давно всё это позади,
но ноет боль в моей груди
и снится по ночам Баграм —
душа моя осталась там...

ЗА ТЕХ, КОМУ НЕ ПОСТАРЕТЬ...

Налей, бача, и выпьем стоя
за тех, кто пал на поле боя!..
Помянем умерших от ран,
кого домой отвёз «Тюльпан»...
Кто жизнь отдал, не отдав чести,
всех, ставших скорбным грузом двести...

Они давно землёю стали...
Страны, которой жизнь отдали,
уже давно на карте нет...
В свои неполных двадцать лет
они мечтали всё успеть!..
За тех, кому не постареть!..
Кто жить, любить был так достоин!..
За тех, кто был, по духу воин
и верный Родины солдат!..
За них до дна!.. Им всем — виват!..

ПИСЬМО ПРОЩАЛЬНОЕ КОРНЕТА...

Вам шлёт письмо и свой привет
давно влюблённый в Вас корнет...
Мадемуазель, к исходу дня
часы земного бытия,
увы, придут мои к концу...
Вам впору к милому лицу
примерить чёрную вуаль...
Признаться, право, очень жаль,
коль Вас известьем огорчил...
Я Вас люблю, всегда любил!..
Но есть ещё любовь к Отчизне,
Присяга, Долг — пусть даже к тризне
меня, друзей они ведут,
ведь нынче многие умрут!..
Судьба тому виной иль рок?..
Пришло, знать, время, вышел срок —
и по команде «Шашки вон!»
наш лейб-гвардейский эскадрон
поскачет рысью в никуда...
Письмо получите когда,
мы все падём на поле боя...
Не нужно слёз, минутой стоя,
коль вправду дорог был корнет,
меня и всех, кого уж нет,
прошу, в молчанье помяните!..
И будьте счастливы, живите,
даря любовь, тепло и смех
достойным лишь — за нас за всех...